

*Алма
Джилкибаева*

*Восточно-Казахстанский
государственный университет,
г. Усть-Каменогорск*

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ АБАЯ

Проблемы жизни и смерти волновали поэтов и философов всех эпох. Всем тюркским народам было известно сказание о старце Коркуте, пытавшемся обмануть саму смерть. Ярким примером танатологической литературы является трактат Эразма Роттердамского «Книга о том, как должно каждому готовиться к смерти». В «Опытах» Монтеня есть глава «О том, что философствовать – это значит учиться умирать». Абай – поэт-философ, в его поэзии тема жизни и смерти явилась результатом напряженной работы самосознания, проникновения во внутренний мир человека, в мир чувств, мысли, памяти. Мысль о бренности земного существования, о трагической подчиненности человека Року давно уже стала в мировой литературе в какой-то степени расхожей. Рождение, жизнь, смерть – все это как бы обыденное, вечно повторяющиеся. Но для самого живущего это все – особенное, вызывающее в глубине души всегда новые чувства. Следовательно, все дело в том, как поэтически акцентируется эта традиционная мысль, какую получает тональность, в какой связи с прочими высказываниями она находится.

Лирического героя Абая характеризует отсутствие трагизма и отчаяния перед лицом смерти. Основой такого мироощущения является мысль о том, что сам процесс жизни есть одновременно и процесс умирания, понимание нерасторжимости рождения и смерти: «Өлмек үшін туғансың, ойла, шырақ» – «Помни, мой друг, что рожден ты для смерти» [1; 237]. (Подстрочный перевод здесь и далее наш. – А. Д.). Абай неустанно напоминает о двуликости всего, что окружает нас, о видимости и сущности. Для него это чаще всего проблема нравственная – обличение лицемерия, расчетливой лжи, лести, но также и философская – относительность познания истины, несовершенство нашего разума, так легко поддающегося обману. Формула «быть и казаться» выражает одну из самых трагических проблем иллюзорности бытия, получившего образное воплощение в форме метафор: «люди-миражи» («жұрт-бір сағым») [1; 242], «жизнь-сон» («ол дәурен өмір емес, бір көрген түс») [1; 242], в использовании таких обманчивых эффектов, как «сияния»: «Бүгінгі өмір жарқылдап алдар бірақ» – «Но обманчиво сияние этой жизни» [1; 37].

Чувство быстротечности жизни пронизывает всю поэзию Абая. Везде он ощущает текучесть, мимолетность каждого явления, поэтому поэт так пристально вглядывается в окружающий его мир. Сменяются времена года, и в их чередѣ он видит символ собственного жизненного пути от рождения к смерти, который только миг в круговращении всего сущего на земле. Он созерцает то, что приучает человека

к мысли о бренности живого, это помогает постичь гармонию мира, избавиться от суетных страстей, преодолеть страх смерти [1; 246]:

Тоты құс түсті көбелек
Жаз сайларда гулемек.
Бәйшешек солмақ, куйремек,
Көбелек өлмек, сиремек.

Цветные, как попугаи, бабочки
в летних оврагах резвились.
Цветы увяли, осыпались,
бабочки погибли.

Короткая жизнь цветка и бабочки говорит не только о «memento mori», но и передает чувство слитности с природой. Поэтическому выражению этого чувства служит и психологический параллелизм в композиции многих стихотворений: жизнь человека традиционно сопоставляется с явлениями природы, этапы жизни – с временами года [1; 237]:

Нұрлы аспанға тырысып өскенсің сен,
Жасыл шөппен, бой жеткен егінмен тең».

Тянулся ты к сияющему небу и рос,
как зеленая трава, как молодые всходы.

Ощущение движения Времени воплощается Абаем в образе часов. Их непрекращающийся шепот – «сыбдыр» с каждой минутой уносит с собой частицу человеческой жизни: «Өткен өмір белгісі – осы сыбдыр» – «Этот шепот – знак проходящей жизни» [1; 202]. Этот образ рождает в памяти державинские строки: «Глагол времен! Металла звон!.. Зовет – и к гробу приближает». Далее конкретный образ часов перерастает в метафорический – «сағат – ұры» («часы – воры»): «Сағаттын, өзі ұры шикылдаған, Өмірді білдірмей, күнде ұрлаған» [1; 202]. Они незаметно ежеминутно крадут у нас жизнь.

Мифологема «похищение жизни» реализуется у Абая и на фольклорно-мифологической основе: «Ажал келіп бас салса, жанды ұрласа...» – «Если смерть нападет и похитит душу...» [1; 237]. Ср. у Державина: «Приходит смерть к нему, как тать, И жизнь внезапно похищает». В поэзии Абая слово «ажал» (рок, смертный час) очень значимо. Ажал-рок тяготеет над жизнью человека, не дает ему быть ее полновластным хозяином. Он, вопреки планам и мечтам человека, может вмиг изменить все в жизни: «Ертең өзің қайдасың, білемісің?» – «Знаешь ли ты, где будешь завтра?» [1; 237]. Несмотря на то что Абай часто упоминает бога, подход к теме смерти у него не религиозный, а светский, тема эта свободна от прочно связанных со смертью религиозных сентенций и житейских предрассудков. У него даже появляется сомнение в том, чему учит религия: «Белгілі сөз: “өлді, өлді”, Белгісіз оның мекені» – «Понятно слово “умер”, но непонятно – где он» [1; 228]. Ср. у Державина в оде «На смерть князя Мещерского»: «Где ж он? – Он там. – Где там? – Не знаем...» Смерть жестока и неотвратима, но она же и избавление от физических и душевных страданий: «Өлім барда қорлық жоқ» – «Смерть освободит от всех мучений» [1; 144]. В стихотворении «На смерть сына Абдрахмана» в пароксизме отчаяния Абай мечтает о смерти, дающей израненной душе успокоение, но Смерть не подвластна человеку, она приходит в свой час, ни раньше, ни позже, она неумолима: «Бенде өлмейді арманнан, Мінеки, мен де өлмедім» – «Смертный не умирает по своему желанию. Вот и я не умер» [1; 184]. Трагедия личностного плана – смерть сына – лишает поэта радости жизни, рождает в его поэзии мотив мертвой души: «Ішім өлген, сыртым сау» – «Душа мертва, лишь внешне я живой» [1; 75], мотив

жизни-терпения: «Өле алмай шыдап отырмын» – «Не умерев, терплю теперь» [1; 191]. Человек у Абая бессилен перед ударами судьбы («тағдыр»), перед лицом смерти («ажал»), поэтому он сознательно выбирает позицию терпения («сабыр»): «Сабыр кылсақ, керек-ті» – «Надо терпеть» [1; 187]. Лирический герой горестно обращается к своей судьбе [1; 231]:

Көзіме жас бер, жылайын,	Дай слезы,
Шыдам бер, сабыр кылайын.	Дай терпения, смирюсь.
Жаралы болған жүрекке	Дай снадобья, попытаюсь
Дауа бер, жамап сынайын.	Залечить рану в сердце.

Несмотря на безрадостную перспективу всего живого, Абай далек от философского пессимизма, от утверждения бессмысленности человеческой жизни: смерть – естественный конец, но не единственная цель бытия. Главное, что дается человеку трудом и страданием, – не счастье, оно иллюзорно, а выявление собственной сущности, формирование человеком своей личности, чтобы он мог сказать: «Адам деген данқым бар» – «Славен тем, что я человек» [1; 116]. Только познающий человек может освободиться от страха смерти, а значит победить смерть. Для философской концепции Абая характерно разделение понятий «я» и «мое» («мен», «менікі»): «Ақыл мен жан – мен өзім, тән – менікі» – «Я – это мой ум и моя душа, мое – это плоть» [1; 212]. «Менікі – мое» – богатство, знатность, наслаждение – бrenно. Поэт постоянно подчеркивает тщетность, суетность этих стремлений и желаний: «Пайда, мақтан бәрі – тұл» – «Нажива, почести – все пустое» [1; 119]. Только преворив в жизнь лучшие свои качества, стремясь к совершенству, человек сможет занять достойное место в этом мире.

Мудрое слово и добрые дела могут разрешить драматизм конечной ситуации и приобщить к бессмертию: «Арттағыға сөзің мен ісің қалса, Өлсең де, өлмегенмен боласың тең» – «Если оставил потомкам слово и дело, то и после смерти будешь равен живым» [1; 221]. Идея труда и знания воплощена во многих произведениях Абая и определяет его устойчивый идеал человека. Сознание кратковременности жизни, особенно наиболее плодотворного ее периода – молодости, заставляет поэта призывать не растрчивать опущенные дни попусту, а овладевать знаниями, трудиться, успеть самореализоваться. Абай развивает мысль об относительной ценности долгой жизни: «Ұзақ өмір не берер, Көрген, білген болмаса?» – «Что толку от долгой жизни, если не видел и не познал ничего?» [1; 182]. Эта мысль созвучна с мыслями другого философа, Монтеня, который в своих «Опытах» писал: «Мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы использовали ее» [2; 240]. Более того, Абай считает, что приобретенные знания делают относительным само понятие срока жизни: «Аз өмірін ұзайтқан, Ғылымға бойы толған соң» – «Короткую жизнь удлинил, познав множество наук» [1; 182]. Как видим, идеал человека в поэзии Абая характеризуется активным, действенным началом. Важнейшим лейтмотивом всей лирики Абая является образ «жизни-огня», в разных контекстах обнаруживающий разные грани. Развивая просветительские идеи, поэт вопрошает: «Сізге, ғылым кім берер, Жанбай жатып сөнсеңіз?» – «Кто же даст вам знания, коль вы, чуть вспыхнув, погасли?» [1; 41]. Размышляя о неумолимости времени, мимолетности прекрасного, он восклицает: «Жастықтың оты, қайдасың?!» – «Где ты, огонь молодости?!» [1; 107]. Мотив горения и угасания тесно связан с проблемой жизни и смерти. Поэт болезненно реагирует на то, что огонь жизни с годами угасает: «Қартаң тартқан адамнан от азаймақ...» – «Все меньше огня у стареющего человека...» [1; 249].

О новизне лирических переживаний говорят многие стихотворения Абая, посвященные теме власти прошедшего над душой человека. Мотив воспоминания дает ощущение движения Времени, «этого угнетателя и тирана человечества» (Ф. Тютчев). Эта тема звучит у Абая по-разному, в зависимости от того, какое психологическое состояние воспроизводится: или это воспоминание, рождающее горькое чувство разочарованности, или воспоминание как драгоценный клад, греющий душу, вызывающий волну теплых элегических чувств.

В стихотворениях первого типа прошлое и настоящее не противопоставляются друг другу: неудовлетворенность настоящим заставляет анализировать прошлое и увидеть тщетность многих своих усилий. Таким образом, экскурсии в прошлое тоже не дают ничего утешительного. Исповедальный самоанализ рождает здесь «апатию чувств и воли» (В. Белинский), рефлексия, чувство тоски. Такие воспоминания «ядом посыпают бедное сердце»: «Өңкей уды жиып ап, себеді сорлы жүрекке» [1; 240].

В стихотворении «Көлеңке басын ұзартып...» («Удлиняются тени...») происходит поэтическая материализация воспоминания, обладающего собственным бытием – оно «раздирает душу, посыпает сердце ядом, рыщет по прошлому, а возвратившись, воеет заблудившимся щенком» [1; 240]:

Адасқан күшік секілді
Ұлып жұртқа қайтқан ой.

Антиномичность философской лирики Абая проявилась здесь и в оппозиции «день – ночь»: день – время земных забот, житейской суеты, тогда как ночь – время сосредоточенности на вечных вопросах, время исповеди, воспоминаний [1; 240]:

Күнгірт көңілім сырласар
Сұрғылт тартқан бейуаққа.

Печальная душа раскрывает
свои тайны сумеркам.

Воспоминания второго плана – «память сердца» – сладостны и рожают чувство светлой печали. Такие стихотворения строятся на противопоставлении настоящего и прошлого [1; 107]:

Тірілтіп өткен күнді, тағы шөлдеп,
Осы күнді күн демес қарғап, міндеп.

Оживляя в памяти былое, снова жажду его,
Проклинаю настоящее, оно для меня не жизнь.

В прошлом – страстное желание жить, любить, радоваться, когда «надежда близка, душа светла» («үміт жақын, көңіл ақ»), когда в любом видишь друга («кімді көрсең – бәрі дос») [1; 231]:

Кұдай-ау, қайда сол жылдар,
Махаббат, қызық, мол жылдар?!

Господи, где те годы,
годы любви и забав?!

Воспоминания такого рода способны не только оживить события, но и вновь возбудить те эмоции, дают возможность снова на склоне лет пережить «чудные мгновения», оживить жизнь сердца. Но тем горше «возвращение» в настоящее. В стихотворении «Ысытқан, суытқан...» («Жар, холод») лирический персонаж

с жаром вспоминая дни молодости, вдруг замолкает и краснеет, стыдясь. Воспоминания – заветная область, в которой проявляется глубинная жизнь души, и мастерство Абая в том, что он несколькими штрихами мог передать самые тонкие и сложные нюансы душевных состояний.

Тема бывшего смыкается с темой иллюзорности свободы человека: его воля, его стремления пресекаются бесстрастным Временем, оно лишает человека энергии, свежести чувств, оставляя лишь воспоминания часто как единственный итог прожитых дней. Они, как и «шепот часов», – свидетельство быстротечности жизни: то, что было сегодня жизнью, завтра станет воспоминанием. Традиционная для толгау тема «молодость – старость» приобретает у Абая глубокое философское наполнение, эти понятия включаются им в вечный круговорот рождения и смерти, вечного обновления поколений: «Жас – картаймак, жоқ – тумак, туған – өлмек» – «Молодое старится, неродившееся рождается, рожденное умрет» [1; 23]. В поэзии Абая постоянно ощущение динамики метаморфоз бытия, каждое превращение жизни включает в себя смерть [1; 175]:

Балалық өлді,
білдің бе?
Жігіттік өтті,
көрдін бе?

Умерло детство,
почувствовал ли?
Исчезла юность,
заметил ли?

Мироощущение и миропонимание Абая «нашли свое выражение не через рационализованную логику понятий, а отлились через формы художественной образности как “образная философия”» [3, 94]. Поэтическая медитация Абая – это часто стихотворная цепочка силлогизмов, но так как каждый силлогизм представлен поэтическим образом, произведение в целом приобретает метафорическое, символическое значение. Рассказ о самом себе постепенно выливается в размышление о жизни, о времени, о смерти. Мысль достигает предельной концентрации и точности выражения, что делает многие строки Абая образцами поэтической афористики. Авторский образ соединяет в себе глубину обобщающей мысли с живописностью конкретного переживания, отражающего индивидуальную судьбу. Абай поднимает личное до объективно-всеобщего, а его, в свою очередь, превращает в личное. Представление о целостности и бесконечности бытия о диалектическом единстве жизни и смерти – одно из основных в поэтическом мировоззрении Абая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абай (Ибраһим Кунанбаев). Екі томдық шығармалар жинағы. 1-том. – Алматы, 1986.
2. Монтень М. Опыты. В 3 кн. Кн. 1-2. – М., 1983.
3. Нурланова К. Эстетика художественной культуры казахского народа. – Алма-Ата, 1987.

